

СЪРОВЪ

СЪРОВЪ

И. О. Суриков

*Копия с оригинала
в ЛОХ*

*Варенин Александрович
Суров*
1883

ИГОРЬ ГРАБАРЬ

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ

Собрание
иллюстрированных
монографій

ВЫПУСКЪ

3

СЪРОВЪ

МОСКВА
ИЗДАНИЕ Г. КНЕБЕЛЬ

ИГОРЬ ГРАБАРЬ

ВАЛЕНТИНЪ
АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

СЪРОВЪ

ЖИЗНЬ
И
ТВОРЧЕСТВО

ИЗДАНИЕ
Г. КНЕБЕЛЬ

Вильсто предисловія

Настоящая книга была задумана осенью 1906 г. въ Парижѣ, во время выставки русскихъ художниковъ, устроенной С. П. Дягилевымъ при Осеннемъ салонѣ. Выставка имѣла шумный успѣхъ, на долю насъ, ея участниковъ, выпало не мало радостныхъ дней, и мы были обласканы радушнымъ приемомъ, оказаннымъ намъ французскими художниками. Только одинъ изъ насъ, тотъ, кто имѣлъ наибольшее право на вниманіе, остался въ тѣни и не раздѣлялъ общей радости—Сѣровъ. Его не «проглядѣли», напротивъ того,—хорошо замѣтили, но не признали «своимъ», причисливъ къ тѣмъ официальнымъ мастерамъ, которымъ мѣсто на одномъ изъ весеннихъ салоновъ, а не на Осеннемъ, этой крайней лѣвой французскаго модернизма. Сѣрова даже не хотѣли выбрать въ члены Осенняго салона, куда попали многіе изъ насъ. Нѣсколько старомодный языкъ его искусства заслонялъ въ глазахъ модернистовъ подлинную художественную цѣнность этого мастера, стоявшаго, конечно, головою выше большинства своихъ русскихъ и французскихъ товарищей. Автору этихъ строкъ было такъ горько и обидно сознавать униженную въ Парижѣ несправедливость, что онъ тогда же далъ себѣ слово выпустить Сѣровскую монографію и, вернувшись въ Москву, предложилъ Сѣрову осуществить эту мысль. Вскорѣ мы вмѣстѣ принялись за работу и перерыли все ящики и сундуки, биткомъ набитые его этюдами, эскизами и рисунками, начиная съ дѣтскихъ лѣтъ и кончая послѣдними годами. Разбирая этотъ огромный матеріалъ, Сѣровъ тутъ же рассказывалъ все, что относилось къ той или другой вещи, вспоминалъ крупныя и мелкія событія своей жизни, которая, такимъ образомъ, раскрывалась шагъ за шагомъ. Послѣ двадцати долгихъ вечеровъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ наединѣ въ его рабочей комнатѣ, эта занимательная, какъ чудесный романъ, жизнь была вся занисана. Года два спустя значительная часть монографіи была закончена, рукопись набрана и мы приступили къ ея чтенію. Многое, по его настоянію, пришлось тутъ же измѣнить:

*Крымский дворик — 1893 г.
(Третьяковская галерея).*

На Рождество этого года Сброву согласился позировать самъ Мазини, базовантисший изъ базовней оперной сцены. Начатый тогда же портретъ его былъ законченъ только въ началѣ февраля, и произвелъ на всѣхъ большое впечатлѣніе. Видѣвшіе его тогда вспоминаютъ до сихъ поръ о разговорахъ, вызванныхъ этимъ портретомъ. Самъ Сбровъ былъ имъ не слишкомъ доволенъ, и написавъ по этому поводу забавное письмо жёнѣ: «Портретъ идетъ — если не выйдетъ — недурно, т. е. похожъ, и такъ вообще, только сама живопись мнѣ не особенно что то: дѣйта несвободные. Всѣхъ правится, начиная съ самого Мазини, весьма мнлаго въ общежитіи кавалера. Предупредительнъ и любезенъ на удивленіе, подымаетъ унавшія кисти, въ родѣ Карла V и Таціана. Но что пріятнѣе всего, это то.

*Илья Репинъ
К. С. Сбровъ*

антарного лица съ сиреневымъ фономъ и бѣлыми перьями накладки было неж-
даннымъ, совершенно европейскимъ явленіемъ на русской выставкѣ. Сейчасъ
краски портрета значительно потускнѣли, но тогда онъ горѣли какъ самоцѣльное
камня, такъ по крайней мѣрѣ казалось среди портретовъ передвижниковъ.

Весной того же 1892 года Сбровъ писалъ мало удачный портретъ гр. С. А. Тол-
стой, находящейся въ Ясной Полянѣ. Тогда же онъ получилъ отъ харьковского
дворянства заказъ на большую картину, изображающую Императора Александра III
и всю его семью. Портреты должны были изображать Государя въ моментъ
вступленія его съ семьей въ залъ Харьковского дворянскаго собранія, послѣ кру-
шенія побѣда въ Боркахъ. Харьковское дворянство объявило конкурсъ на этотъ
портретъ, въ которомъ приняли участіе Дмитріевъ-Оренбургскій и Журавлевъ.
Рѣшилъ къ которому также обратились, посоветовавъ заказать портретъ Сброву,
которому задача по его мнѣнію, была вполне по силамъ. Сбровъ сдѣлалъ вмѣстѣ
съ Коровиннымъ эскизъ, но Коровинъ уѣхалъ въ Парижъ, и весь портретъ при-
шлось писать Сброву единолично. Надъ этимъ портретомъ-картиной онъ работалъ три
года сразу, и окончилъ его только въ 1895 г. *Стр. 88, 89.* Лѣтомъ 1892 года ему при-
шлось съѣздить въ Харьковъ, чтобы написать эту же залу дворянскаго собранія,
долженствовавшего служить фономъ для картины. Зимой слѣдующаго года для
него были устроены, какъ онъ выражался, «царскія смотринъ». Дѣло въ томъ,
что императоръ Александръ III никогда не давалъ художникамъ сеансовъ, не на-
вила скуку позирования. На этотъ разъ онъ согласился, однако, на то, чтобы
Сброву была предоставлена возможность увидеть его какъ нибудь во дворцѣ. Сб-
рова поставили гдѣ то на лѣстницѣ въ Гатчинѣ передъ однимъ изъ выходовъ
государя, который замѣтилъ художника, и нарочно замедлилъ шаги. Кромѣ этихъ
«смотринъ», Сбровъ получилъ возможность написать съ натуры этюды-портреты съ
великаго князя Михаила Александровича и великихъ князей Ольги Александровны
и Бсєнй Александровны. Для каждаго портрета было дано по три сеанса. Эти
этюды составляютъ нынѣ собственность вдовствующей Императрицы Маріи
Феодоровны¹.

Лѣтомъ же 1892 года Сбровъ написалъ ту странную для него картину, — «Ливейка
изъ Москвы въ Кузьминки», которая находится въ Московскомъ Обществѣ Люби-
телей Художествъ. *Стр. 90.* Ни общая затѣя картины, ни ея живопись не вяжутся
съ художественнымъ обликомъ этого мастера, и кажется, что она попала въ спи-
сокъ его произведеній по какому то недоразумѣнію. Только взглядываясь въ попу-

¹ Въ 1894 г. Сбровъ повторилъ изъ этой картины одну фигуру Александра III для великаго князя Сергія
Александровича. Портретъ висѣлъ въ одномъ изъ залъ Историческаго музея въ Москвѣ, при чемъ для высокой
фигуры Государя позировалъ Н. С. Остроухова, называвшій царскій мундиръ.

Стояб сѣна—1901 г.
(Собрание В. О. Гиршмана въ Москвѣ).

въ формѣ Шотландскаго полка. *Стр. 137.* Первый написанъ въ 1899 году, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ кончины государя, по различнымъ материаламъ, бывшимъ въ рукахъ Сѣрова. Онъ ѣздилъ для этого въ Копенгагенъ и Фреденсбургъ, гдѣ написалъ нѣсколько этюдовъ, и сдѣлалъ не мало рисунковъ. Кромѣ лица монарха, все сдѣлано съ натуры, на мѣстѣ, съ наряженнаго въ императорскій мундиръ солдата, и картина чрезвычайна живописна по краскамъ¹. Очень декоративенъ и красивъ портретъ пышнѣ царствующаго Императора въ формѣ Шотландскаго полка. Сѣрову на рѣдкость удалось здѣсь отношеніе краснаго мундира къ зеленому фону и коричневому мѣху шапки².

Среди нарядныхъ свѣтскихъ портретовъ, писанныхъ Сѣровымъ въ это время, слѣдуетъ прежде всего назвать портретъ кн. З. Н. Юсуповой, начатый въ 1900 г. и оконченный въ 1902 году. *Стр. 151.* Лучшее въ немъ—голова, сдѣланная необыкновенно тонко,—одна изъ наиболѣе удавшихся Сѣровскихъ головъ. Слабое мѣсто

¹ Оригиналы этого портрета, писаннаго масломъ, принадлежатъ Лейбъ-Гвардіи въ Копенгагенѣ. Первымъ изданнымъ вариантомъ, сдѣланнымъ въ томъ же году, но нѣсколько раньше, изображаетъ императора современно въ той же позѣ, въ красномъ мундирѣ съ голубой лентой на фонѣ моря, и Копенгагенской гавани. Этотъ же Фреденсбургъ есть въ собраніи А. Н. Бенуа. ² Изъ другихъ царскихъ и великокняжескихъ портретовъ писанныхъ Сѣровымъ, надо отмѣтить слѣдующіе: Императоръ Александръ III, приближающійся рапортъ, покаянный (1901—1902 г., собственность Астраханскаго полка въ Москвѣ *стр. 142*); Государь Императоръ (1902—1903), великій князь Михаилъ Николаевичъ, въ ростѣ (1900 г., собственность 84-го Казанскаго полка въ Бѣлоострѣ).

В. А. Сѣровъ

Портретъ Императора Александра III

Днми

(1899)

охотничьяго. Нигдѣ нѣтъ выстрѣловъ, не видно звѣрей, преслѣдуемыхъ охотниками, но зато вездѣ есть лошади и борзые. Послѣдними онъ особенно увлекался и безъ конца рисовалъ собакъ, принадлежащихъ царской охотѣ. Стр. 140. Юный Петръ у него не охотится, а забавляется: онъ отъ души смѣется, види какъ свалился съ лошади старый бояринъ, котораго поднимаютъ съ земли мужики, — жестокая Петровская забава.

Еще лучше удалась Сѣрову Екатерина. Приложение къ стр. 256. Это также несомнѣнно обыкновенная Екатерина, не «Фелица», не «Великая» и даже не слишкомъ царяца, это — добрая старушка, выѣхавшая изъ своего Царскаго Села позабавиться соколиной охотой, полюбоваться ловкостью молодыхъ статныхъ наѣздинокъ и подышать хорошимъ воздухомъ, не сходя съ экипажа. Кромѣ охотниковъ ее сопровождаютъ только красавецъ Мамоновъ, котораго государыня даритъ ласковой улыбкой, да старѣющей Потемкинъ. Эта красиво сочиненная картина дышитъ тѣмъ рѣдчайшимъ чувствомъ и «нюхомъ» исторіи, которое дается не всякому, прочтавшему нѣсколько десятковъ старинныхъ мемуаровъ и историческихъ изслѣдованій. Но и помимо вылившагося здѣсь чутья исторіи, это просто превосходная композиція и чудесная живопись, — дивныя, сочно взятая краски и отлично сочиненная игра пятенъ и силуэтовъ.

Позднѣе онъ вернулся къ Екатеринѣ II, изобразивъ ее выѣзжающей въ сумерки зимняго дня изъ дворца, ярко освѣщеннаго огнями. Стр. 186. Другой охотничій сюжетъ Петровской эпохи изображаетъ лихо перепрыгнувшаго черезъ канаву всадника, прыжокъ котораго напугалъ крестьянскую лошаденку, въѣхавшую въ ту же канаву. Стр. 187.

Покончивъ съ Кутеиновскими сюжетами, Сѣровъ принялся за свои собственные, и въ 1903 г. приступилъ къ картинѣ «Петръ Великій въ Монпельерѣ». Этотъ Петръ опять не похожъ на всѣхъ тѣхъ Петровъ, которыхъ изображали до сихъ поръ художники. Перечитавъ всѣ дошедшія до насъ записки современниковъ и донесенія пословъ, онъ изучилъ маску Петра и знаменитую восковую фигуру государя, хранящуюся въ Романовской галереѣ Зимняго дворца, исполненную, какъ извѣстно, самимъ Бартоломео Растрелли. Сдѣлавъ съ нея множество рисунковъ, какъ извѣстно, самимъ Бартоломео Растрелли. Сдѣлавъ съ нея множество рисунковъ, перерисовавъ различные предметы, принадлежавшіе Петру, и написавъ этюды въ Монпельерѣ, Сѣровъ изобразилъ его въ спальнѣ Монпельера, въ тотъ моментъ, когда императоръ, только что поднявшійся съ постели, и занятый своимъ утреннимъ туалетомъ, вдругъ замѣтилъ въ окнѣ какое то заморское судно, и внимательно въ него всматривается. Въ первые годы застройки Петербурга иностранныя суда были большой рѣдкостью и желанными гостями, — оттого такъ насторожился Петръ, замѣтившій корабль. Тутъ же виднѣется знаменитая клѣтка съ зеленымъ попугаемъ.

Ворона на изгороди.
Заставка для журнала «Миръ Искусства» 1899 г.

царскимъ любимцемъ. Съ этой картиной Сѣровъ долго возился, оставляя ее иногда на цѣлый годъ, чтобы потомъ опять надъ ней работать съ удвоеннымъ увлеченіемъ. Писалъ онъ ее только лѣтомъ, въ Финляндіи, и такъ и не кончилъ.

Въ послѣдніе два года жизни онъ былъ очень недоволенъ фигурой Петра, и какъ то въ сердцахъ стеръ влажнымъ пальцемъ лицо, написанное темперой. Затѣмъ онъ взялъ другой картонъ и началъ картину вновь, значительно улучшивъ фигуру царя, получившую больше движенія и жизни, тогда какъ первая дѣйствительно нѣсколько деревянна и безжизненна. Однако и этотъ второй вариантъ не былъ имъ доведенъ до конца. Стр. 219.

Въ 1906 году Г. Кнебель предложилъ Сѣрову написать картину, изображающую Петра въ эпоху постройки Петербурга. Она предназначалась для серіи школьныхъ историческихъ картинъ, выпускаемыхъ этимъ издателемъ подъ общей редакціей С. А. Князькова. Тема захватила художника и онъ къ концу 1907 г. написалъ того знаменитаго Петра, который находится нынѣ въ Третьяковской галереѣ. Приложение къ стр. 261. Какъ тѣ охотничьи сюжеты были только удобнымъ поводомъ, раскачавшимъ Сѣрова на большое дѣло, какъ тамъ иллюстрація выросла въ картину, такъ здѣсь «школьная картина», силою счастливаго вдохновенія, развернулась почти во фреску. Ибо, глядя на эту небольшую по размерамъ темперу, не можешь отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что видишь передъ собой огромную фреску съ фигурами въ натуральную величину.

Какъ и слѣдовало ожидать, это вдохновеннѣйшее изъ созданій Сѣрова было въ свое время столь же мало оценено, какъ и всѣ его лучшія произведенія. На выставкѣ картина многимъ казалась карикатурой на Петра, а не серьезнымъ произ-